

УДК 343.61:343.97

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214

САМОУБИЙСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ГОМИЦИДАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Д.А. Корецкий¹, Е.С. Стешич²

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

19 декабря 2018 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Самоубийство; доведение до самоубийства; убийство; гомицид; «группы смерти»

Аннотация. При исследовании гомицидальной преступности нельзя обойти вниманием общие обстоятельства, связывающие убийства и самоубийства в единый комплекс социальной патологии. В 2017 г. удельный вес самоубийств более чем вдвое превосходил удельный вес убийств в числе внешних причин смертности — соответственно 14,4 и 6,4 %. Классики криминологии и ведущие ученые современности отмечали обратно пропорциональную зависимость суицидов и убийств (тезис «самоубийцы — робкие убийцы»), к тому же суициды могут быть замаскированными убийствами либо следствием доведения до самоубийства, причем зачастую при возможности расценить происшествие как самоубийство (и даже при отсутствии такой возможности) другие версии практически не проверяются. В целом ряде случаев за самоубийства выдаются такие факты лишения жизни, которые ни по способу, ни по механизму воздействия для суицидов нехарактерны. Особенно часто это наблюдается при гибели лиц, содержащихся под стражей или проходящих службу в армии. Проанализировав законодательные инициативы, увязывающие рост числа детских самоубийств с появлением так называемых групп смерти, посредством сети Интернет склоняющих подростков к суицидальному поведению, авторы приходят к выводу, что это, по сути, лишь «ложная мишень», отвлекающая внимание общества от объективных причин такого поведения и позволяющая избежать затратных мероприятий, направленных на его профилактику. Называются истинные причины подобного положения и предлагаются меры по предупреждению суицидального поведения, а также маскировки убийств под самоубийства.

SUICIDES AS AN ELEMENT OF STUDYING HOMICIDAL CRIME

Danil A. Koretsky¹, Elena S. Steshich²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

² Rostov Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, the Russian Federation

Article info

Received

2018 December 19

Accepted

2019 April 8

Available online

2019 April 26

Keywords

Suicide; bringing to suicide; murder; homicide; «groups of death»

Abstract. Any research of homicidal crime cannot ignore the common circumstances that unite murder and suicide into a single complex of social pathology. The specific weight of suicides exceeded the specific weight of murders almost twice among the external causes of death in 2017 — 14.4 % and 6.4 %, correspondingly. The classics of criminology and the leading modern scholars pointed out that there is an inverse relationship between the number of suicides and murders («self-killers are timid murderers» thesis), besides, suicides could be murders in disguise or the consequences of driving somebody to suicide; often if there is a possibility to view an incident as a suicide (and even if there is no such possibility), other investigation leads practically do not get checked. A number of cases where somebody's life was taken were classified as suicides, although neither the method, nor the impact mechanism were typical of suicides. This happens especially often if the dead person is imprisoned or serves in the armed forces. Having analyzed the legislative initiatives that link the growth in the number of teenage suicides with the emergence of the so-called groups of death, encouraging teenagers to commit suicides in online groups, the authors conclude that this is, in fact, just a «fake target» used to distract the attention of the society from the objective causes of such behavior and to avoid costly prevention measures. The authors name to true causes of such actions and present their ideas regarding the measures to prevent both suicidal behavior and the camouflaging of murders as suicides.

При изучении преступлений, связанных с лишением жизни (гомицида), нельзя обойти вниманием такой феномен, как самоубийства. В общем количестве погибших от гомицидальных преступлений на доведение до самоубийства приходится порядка 1 %, в то время как на собственно убийства — 36,5 %¹.

В мире социальная концепция генезиса самоубийства имеет широкое распространение [1–4]. Одной из известнейших работ, объясняющих самоубийство через его социальную природу, является труд Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» (1897), в котором автор на основе обширного статистического материала, в частности, показал, что количество и уровень самоубийств находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции и сплоченности общества, что количество самоубийств коррелирует с числом несчастных браков, экономическими и политическими кризисами, принадлежностью к религии. При этом ученый не отрицает роли индивидуально-психологических и даже космических факторов в генезисе суицидального поведения, но только на уровне индивидов. В масштабах же социума действуют социальные закономерности [5]. Как же реагирует государство на столь распространенный и, несомненно, чрезвычайно опасный феномен?

С точки зрения уголовного законодательства России преступным долгое время являлось лишь доведение до самоубийства, предусмотренное ст. 110 УК РФ, по которой в 2017 г. было возбуждено 308 уголовных дел, причем эффективность их расследования оставляет желать лучшего: установлено всего 27 виновных лиц, 37 дел приостановлено за неустановлением таковых, 30 дел расследовано и только 26 направлено в суд. При всей немногочисленности ежегодно возбуждаемых по ст. 110 УК РФ уголовных дел (в 2012 г. было возбуждено 125 уголовных дел, в 2013 г. — 139, в 2014 г. — 221, в 2015 г. — 205, в 2016 г. — 248)² есть все основания предполагать высокую латентность доведения до самоубийства, а также то, что за самоубийствами скрываются убийства, совершенные в условиях неочевидности. Кроме того, даже установленные виновные, по нашему

мнению, не несут справедливого наказания. В 2015 г. за доведение до самоубийства осуждено 15 чел., в 2016 г. — 10, в 2017 г. — 15. В 2017 г. за совершение указанного деяния к лишению свободы приговорены 7 чел., к лишению свободы условно — 6, освобождены от наказания в связи с актом об амнистии два лица. Единичные приговоры за особо опасные циничные действия, направленные на лишение жизни другого человека, дают основание утверждать об их фактической безнаказанности.

С 2017 г. в УК РФ введена ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», которая, как будет показано далее, практически не применяется.

Известно, что в литературе давно ставится вопрос о квалификации некоторых случаев доведения до самоубийства с прямым умыслом как убийства [6, с. 40; 7, с. 36]. Убедительно об этом вопросе более полувека назад писали Н.И. Загородников и А.Н. Игнатов: «Если лицо умышленно доводит того или иного человека до самоубийства, то такое поведение виновного ничем не отличается от действий лица, собственноручно застрелившего, отравившего или иным образом лишившего жизни человека. Разница состоит только в способе действия. Виновный использует разные средства и в обоих случаях достигает желаемого результата — уничтожения намеченной жертвы» [8, с. 29]. Авторы резюмируют, что доведение до самоубийства не может совершаться с прямым умыслом. Так получается как раз, что может!

Поставленный вопрос, как представляется, предопределен не столько необходимостью уточнения субъективных признаков доведения до самоубийства, сколько желанием ученых компенсировать несправедливость, возникающую в связи с назначением несравнимо более мягкого наказания для лиц, которые цинично и упорно желали наступления последствий в виде смерти потерпевшего, т.е. действовали с прямым умыслом (!). После существенного ужесточения в 2017 г. санкции за доведение до самоубийства наказание за это преступление может не отличаться от того, которое грозит убийце, что совершенно справедливо. Однако, поскольку в последнее время наблюдаются ножницы между законотворческой и правоприменительной деятельностью, судить о реализации возможностей этой нормы на практике можно будет только через несколько лет.

¹ В 2017 г., по данным ГИАЦ МВД России, от преступных посягательств погибло 29,3 тыс. чел., от убийств — 10,7 тыс. чел.

² Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

В доктрине уголовного права не вызывало возражений лишь то обстоятельство, что склонение к самоубийству малолетнего ребенка или невменяемого следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти [9, с. 102; 10, с. 165]. Между тем соответствующей судебной практики в нашей стране не сложилось, и жестокие систематические действия в отношении малолетних лиц, как правило со стороны взрослых членов семьи, приведшие к самоубийству малолетнего, не получают должной правовой оценки. Высказывая критические замечания по этому поводу, профессор Н.Е. Крылова предполагает, что для квалификации содеянного виновными лицами как убийства следователи и судьи не считают достаточным наличие, как правило, косвенного умысла относительно самоубийства малолетнего и опосредованной причинно-следственной связи между действиями виновных лиц и смертью потерпевших. Кроме того, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, относятся к подсудности областных судов, предъявляющих более высокие требования к качеству доказательств [11, с. 36–38], что заставляет следователей избегать «излишнего» испытания расследуемого дела на обоснованность и доказанность обвинения.

Все это происходит на фоне усиления внимания к проблеме неэффективной профилактики суицидального поведения детей и молодежи, которое имеет неблагоприятную динамику. Если в 2015 г. самоубийство совершили 685 подростков, а покушались на свою жизнь 505, то в 2016 г. свели счеты с жизнью 720 детей. За три месяца 2018 г. на территории Ростовской области было совершено 6 суицидов и 12 попыток. За такое же время в 2017 г. их было меньше — соответственно 4 и 10³.

Увеличение числа детских самоубийств в последние годы активно связывают с появлением так называемых групп смерти, посредством сети Интернет склоняющих подростков к суицидальному поведению [12; 13; 14, р. 190]. Автор закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидаль-

³ В Ростовской области за четыре месяца было 18 попыток суицида среди детей. URL: <https://161.ru/text/gorod/421505926483970.html>.

ному поведению»⁴ И. Яровая прямо назвала действия преступников «дистанционным убийством» [15]. Надо сказать, что это скорее публицистический лозунг, чем юридический термин, поскольку он не имеет правового наполнения и четких признаков, совпадая в этом с легендами о действиях жрецов религии вуду, которые якобы способны убить на расстоянии путем протыкания иглой куклы, изображающей жертву⁵. Но если там действуют некие колдовские силы, которые мы, как материалисты, признавать не можем, то каков механизм «дистанционного убийства», в частности его интеллектуальная и волевая составляющая, депутат не объясняет.

А как обстоит дело с реальными, объективно установленными фактами, а не мистико-колдовскими предположениями?

Одним из авторов данной статьи было изучено пять решений о прекращении уголовного дела по фактам доведения до самоубийства подростков с использованием сети Интернет, вынесенных аппаратом Следственного комитета в 2017 г. в крупном субъекте Российской Федерации. Два случая были покушениями. При этом каждый ребенок, спасенный врачами, впоследствии признался, что его показания о связи с «группами смерти» придуманы.

Так, из постановления о прекращении уголовного дела по факту покушения на доведение до самоубийства несовершеннолетней Д. (15 лет, отравление лекарствами) следовало, что «...она придумала историю о ее вступлении в игру «Синий кит», которая у всех на слуху как группа, склоняющая несовершеннолетних детей к совершению суицида, для того чтобы привлечь внимание своей мамы, так как его не хватает. Она хотела, чтобы ее мама Д.Н. больше проводила время с ней и меньше на работе, чтобы они вместе гуляли, общались, ходили в парк и она от своей мамы чувствовала поддержку...». В ходе предварительного следствия проанализирована страница Д. в социальной сети «ВКонтакте», проведена криминалистическая экспертиза принадлежащего ей мобильного телефона,

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 июня.

⁵ Религия вуду. URL: <http://terme-spa.ru/religija-vudu.html>.

в ООО «ВКонтакте» осуществлена выемка информации об аудио- и видеозаписях, контактах, списке друзей, группах, ссылках, имеющих отношение к потерпевшей. Ее связи с информацией суицидального характера установлено не было. По заключению психолого-психиатрической экспертизы, Д. страдает инфантильным расстройством личности. У нее выявлена повышенная внушаемость, ей свойственно быстрое и легкое индуцирование идеям референтной группы и значимых для нее лиц, склонность к фантазированию.

В рамках расследования дела по факту самоубийства несовершеннолетней О. (16 лет, приняла смертельную дозу лекарств) установлено, что она имела фейковую страницу в соцсети «ВКонтакте» под именем Лиза Кит, где с одним из пользователей обсуждалась тема совершения самоубийства, однако проведенными техническими мероприятиями факт получения каких-либо заданий подтвержден не был. Зато на основе показаний педагогического состава школы и одноклассников установлено, что за четыре месяца до смерти она дважды резала запястья, а свои действия объясняла проблемами в личной жизни. Мать погибшей показала, что дочь сильно переживала разрыв отношений с молодым человеком, а после, кроме того, видела его целующимся с другой девочкой. Согласно заключению комплексной посмертной психолого-психиатрической экспертизы, несовершеннолетняя О. «не страдала психическим расстройством, но ей были свойственны лабильно-сензитивные черты характера, которые проявлялись в неустойчивости эмоционально-волевой сферы, в изменчивости настроения под влиянием внешних факторов с уходом во внутренний мир своих переживаний, в избирательной общительности, что наряду с другими факторами привело к значительному ослаблению «силы личности». Данные особенности при наличии у нее проблем со слухом способствовали ее высокой уязвимости к психотравмирующим воздействиям. Личностный смысл (мотив) самоубийства О. не ясен, однако можно предположить, что он носил скорее характер призыва, который состоял в привлечении внимания окружающих, и в первую очередь родителей, к тяжелым и несправедливым личным обстоятельствам, наличию сложностей в самореализации путем формирования посмертного сочувствия к себе, вызывания сострадания, раскаяния у окружаю-

щих. Данный мотив обычно свойственен подросткам с личностной незрелостью».

У погибшего К. (13 лет, отравление бутаном, изобутаном и пропаном), согласно заключению экспертизы, наблюдалось «депрессивное расстройство поведения, связанное с психотравмирующими обстоятельствами, проявившееся в снижении фона настроения, ощущении тревожности, безысходности, ухудшении взаимоотношений с одноклассниками, чувстве одиночества... К. были свойственны высокая чувствительность, ранимость, замкнутость, скрытность, склонность переживать неприятности в себе, склонность тяжело переживать разлуку. В жизни К. в период, предшествующий его смерти, выявлялись факторы, способствующие возникновению негативных эмоциональных переживаний: изменение места проживания и учебы, разлука с близкими родственниками (с родной сестрой и племянником), отсутствие дружеских отношений с отчимом, а также индивидуально-психологические особенности К. в виде тревожности, ранимости, замкнутости, которые вызывали у него негативное эмоциональное состояние: чувство одиночества, грусти, безнадежности, тревоги, раздражения, пустоты, которые могли способствовать совершению им самоубийства». Хотя у К. на передней поверхности левого запястья была обнаружена надпись «Синий кит», проведенными техническими мероприятиями его участие в игре не установлено. Зато одноклассники знали, что К. злоупотребляет токсикоманией, а мать подозревала его в этом.

С 2016 г. в рамках борьбы с «Синим китом» последовала серия громких, но немногочисленных задержаний, нашедших отражение в официальной статистике. В 2017 г. в России по ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» было зарегистрировано три преступления, по которым не установлено ни одно лицо. По ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» было зарегистрировано 22 преступления, по которым установлено одно лицо. В суд не было направлено ни одно дело. Эти факты показывают, что никакой разветвленной на всю страну сети «групп смерти» (которые, кстати, легко отслеживаются специальными службами в Интернете) не существует и никакой целенаправленной деятельности по склонению подростков к самоубийству не ведется. По заявлению заместителя начальника

Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ МВД России генерал-майора полиции В. Гайдова, только 1 % подростковых самоубийств может быть связан с соцсетями⁶. При этом, судя по установленным фактам, речь может идти не о целенаправленном доведении до самоубийства, а об обычных конфликтах и фрустрациях подростков в ходе общения в Сети.

Такой вывод полностью подтверждается судебной практикой. За два года вынесены единичные приговоры, один из них — в отношении Ф. Будейкина за доведение до самоубийства двух школьниц, жизни которых удалось спасти (июль 2017 г., суд Тюменской области, назначено наказание в виде трех лет и четырех месяцев лишения свободы). Вменяемые в процессе следствия 15 других фактов суицидов детей на территории нескольких субъектов Российской Федерации не подтвердились [16].

По другому широко освещаемому в СМИ делу проходит 26-летний И. Сидоров, оказавшийся не куратором «групп смерти», а одиночкой, некогда состоявшим в группах «Тихий дом» и «Синий кит». По версии следствия, 14-летняя школьница пыталась покончить с собой из-за угроз убийством, которые получила от него в ходе переписки через Интернет [17]. Кстати, потерпевшая школьница через несколько месяцев все же погибла, совершив самоубийство, что подтверждает существование целого комплекса факторов, определяющих суицидальное поведение детей, которое требует целенаправленной и сложной профилактической работы, а «группы смерти» всего лишь «ложная мишень», которая позволяет отвлечь внимание общества от объективных причин детских суицидов и избежать затратных мероприятий, направленных на профилактику данного явления. Этот подход не нов: в советские времена уже отрицалось наличие причин преступности в обществе, строящем коммунизм, а существование преступности объяснялось пережитками прошлого в сознании отдельных людей и влиянием капиталистического окружения. В свое время этот постулат был подвергнут разгромной критике, и, думается, возвращаться к столь сомнительному утверждению в XXI в. не стоит.

⁶ МВД и СК поспорили о причинах роста детских самоубийств в России. URL: <https://www.uralweb.ru/news/society/474014.html>.

Совершенно очевидно, что причины самоубийств несовершеннолетних и многочисленных, ранее неизвестных актов насилия со стороны молодых людей (избиения сверстников и младшеклассников с видеозаписью и последующим ее размещением в Интернете, жестокие убийства животных, перестрелки с полицией, убийства и поножовщина в школах с последующим самоубийством виновных) кроются в состоянии современного российского общества. Отчужденность отдельного человека, равнодушные друг к другу, неудовлетворенность своим положением, социальная фрустрация, огрубление нравов, агрессия и насилие, беспрецедентное расслоение общества по материальным и властным признакам, заменившее марксовское деление общества на классы в связи с отношением к собственности на средства производства, избирательное действие закона, отсутствие справедливости, стрессы, вызванные пресловутым ЕГЭ, — в этом надо искать причины упомянутых негативных явлений. «Перевод стрелок» на «группы смерти» и «иностранных эмиссаров» играет плохую роль, ибо отвлекает внимание от истинных причин суицидального поведения детей и подростков и препятствует борьбе с ними.

Малопродуманными следует признать и некоторые меры профилактики суицидов среди несовершеннолетних. В частности, речь идет о просвещении детей в школах о «группах смерти», которое, с одной стороны, спровоцировало панику среди родителей и широкой общественности, а с другой стороны, как видно по материалам приведенных дел, вызвало повышенный интерес детей к этой теме, что также повлекло крайне негативные последствия.

В числе проблем, связанных с феноменом суицида, следует отметить особую группу самоубийств, совершаемых в условиях полной или частичной изоляции, ограниченности в большей или меньшей степени прав суицидента, когда первоначальную проверку или полное расследование и судебное рассмотрение дела осуществляют представители ведомства, несущего ответственность за произошедший факт.

Так, число самоубийств лиц, находящихся в местах лишения свободы, остается значительным, несмотря на то что за последние десять лет уровень суицидов (в расчете на тысячу осужденных и подследственных) снизился с 0,32 (436 чел.) в 2007 г. до 0,28 (314 чел.) в 2017 г. [18]. Установление признаков состава

преступления в отношении этой категории лиц по-прежнему затруднено. Большинство смертей списывается на несчастные случаи, болезни и суицид [19, с. 3–15]. При этом администрация исправительного учреждения не заинтересована в установлении их криминального характера, а вся доказательственная база находится в ее распоряжении и легко может модифицироваться и фальсифицироваться даже в отношении бывших высокопоставленных чиновников, оказавшихся в местах лишения свободы.

Так, смерть в камере бывшего менеджера «Роскосмоса» от двух ножевых ранений, несмотря на очевидность криминального характера травм [20], оценивалась противоречиво — то как убийство, то как самоубийство, и ясного ответа на этот вопрос общественность не получила. А смерти генерала Колесникова и бизнесмена Пшеничного, официально признанные суицидом, вызывают немало вопросов. Так, сообщается, что по факту смерти Пшеничного есть две экспертизы, каждая из которых опровергает другую. Согласно первой, это самоубийство: следов пыток, побоев нет. Вторая экспертиза установила перелом позвоночника, ожоги во рту, следы насилия и даже спермы⁷. Проведенное одним из авторов статьи интервьюирование судебно-медицинских экспертов на этот счет показало, что за время практической деятельности им еще не приходилось слышать о некриминальных самоубийствах с помощью засовывания себе в рот электропровода.

Стоит сказать и об армейских суицидах. Связанные с этим явлением проблемы приобретают наглядность тогда, когда случай самоубийства становится достоянием общественности. Так, в марте 2016 г. солдат-срочник совершил самоубийство. По данным следствия, перед этим сержант воинской части незаконно заставил солдата отжиматься от пола на вытянутых руках в наказание за нарушение устава. При этом он поставил Денису ногу на спину, а сам молодой человек был в противогазе, бронежилете и защитном костюме. Позже сержант несколько раз ударил Дениса по голове. После смерти солдата родные обнаружили на его теле синяки и порезы. Госэкспертиза пришла к выводу, что на решение молодого человека

покончить с собой повлияла стрессовая ситуация в армии, его нежелание служить и отношение к нему начальства. В то же время сержанта признали виновным в превышении служебных полномочий и приговорили его к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

По словам родителей, Денис уходил в армию с удовольствием, однако после присяги начал просить деньги у родителей, а незадолго до гибели попросил сестру прислать денег к конкретному времени и дню⁸.

Совершенно очевидно, что в данном случае органы военного следствия и военный суд открыто не признали имевший место факт доведения до самоубийства. Виновный отделался символическим наказанием, а халатность командования воинской части была полностью проигнорирована. Этот пример не единичен, причем особо настораживает тот факт, что выборочно опрошенные военные следователи были полностью согласны с такой квалификацией.

Изложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы и высказать предложения:

1. Самоубийства как взрослых лиц, так и детей и подростков имеют социальные причины: отчужденность отдельного человека, равнодушные друг к другу, неудовлетворенность своим положением, социальная фрустрация, огрубление нравов, агрессия и насилие, расслоение общества по материально-властным признакам, недостатки школьного образования и т.д.

2. Деятельность «групп смерти» — это всего лишь «ложная мишень», которая позволяет отвлечь внимание общества от объективных причин совершения суицида и избежать затратных мероприятий, направленных на профилактику рассматриваемого явления. Данный подход не нов: в советские времена уже отрицалось наличие причин преступности в обществе, строящем коммунизм, а существование преступности объяснялось пережитками прошлого в сознании отдельных людей и влиянием капиталистического окружения. В свое время этот постулат был подвергнут разгромной критике. Считаем, что возвращаться к столь сомнительному утверждению в XXI в. не стоит.

⁷ В деле Пшеничного появились новые странности. URL: https://news.rambler.ru/incidents/39651672/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

⁸ Отец покончившего с собой в Екатеринбурге солдата требует с Минобороны 1 млн рублей. URL: https://www.znak.com/2018-07-13/otec_soldata_pokonchivshego_s_soboy_v_chasti_na_urale_trebuets_minoborony_1 mln_rublej?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

3. В связи с тем что лица, содержащиеся под стражей, существенно ограничены в правах и полностью находятся во власти учреждения службы исполнения наказаний, обо всех случаях смерти таких лиц должны немедленно извещаться органы Следственного комитета, кото-

рые обязаны немедленно возбудить уголовное дело и провести расследование. Решение о прекращении уголовного дела должно подлежать утверждению судом субъекта Российской Федерации. Аналогичный порядок должен быть распространен и на факты гибели военнослужащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aebi M.F. Regional Variation in Europe between Homicide and Other Forms of External Death and Criminal Offences / M.F. Aebi, A. Linde // Handbook of European Homicide Research Patterns, Explanations and Country Studies / ed. M.C. Liem, W.A. Pridemores. — New York : Springer, 2012. — P. 71–94.
2. Handbook of Suicidal Behavior / ed. Updesh Kumar. — Singapore : Springer, 2017. — 572 p.
3. Joiner T. Why people die by suicide / T. Joiner. — Cambridge : Harvard Univ. Press, 2005. — 287 p.
4. Barnes D.H. The truth about suicide / D. Barnes ; ed. R.N. Golden, F.L. Peterson. — New York : Facts on File, 2010. — 160 p.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм ; под ред. В.А. Базарова. — М. : Мысль, 1994. — 399 с.
6. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. — М. : Инфра-М, 1997. — 768 с.
7. Плаксина Т.А. Уголовная ответственность за убийство : в 2 ч. / Т.А. Плаксина. — Барнаул : Изд-во АГУ, 1998. — Ч. 1. — 64 с.
8. Загородников Н.И. Преступления против личности : учеб. пособие / Н.И. Загородников, А.Н. Игнатов. — М., 1962. — 64 с.
9. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учеб.-практ. пособие / Г.Н. Борзенков. — М. : Зерцало-М, 2006. — 144 с.
10. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека / А.И. Коробеев. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 317 с.
11. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты / Н.Е. Крылова // Уголовное право. — 2016. — № 4. — С. 36–48.
12. Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) [Электронный ресурс] / Г. Мурсалиева // Новая газета. — 2016. — 16 мая. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18>.
13. Амелина Я.А. «Группы смерти» как угроза национальной безопасности России : аналит. докл. / Я.А. Амелина. — М. : Изд. А.В. Воробьев, 2017. — 72 с.
14. Sher L. Internet and Suicide / L. Sher, A. Vilens. — New York : Nova science, 2009. — 452 p.
15. Мишина В. «Фактически совершается дистанционное убийство». Ирина Яровая расширяет нормы УК об ответственности за доведение до суицида несовершеннолетних и беременных [Электронный ресурс] / В. Мишина // Коммерсантъ. — 2017. — 9 марта. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/gallery/3237423>.
16. Фахрутдинов П. Администратор «групп смерти» получил три года [Электронный ресурс] / П. Фахрутдинов // Газета.ru. — 2017. — 19 июля. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml.
17. Пинкус М. «Синий кит» не краснеет. Куратора «группы смерти» отправили в колонию / М. Пинкус // Российская газета. — 2018. — 6 сент.
18. Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных : аналит. обзор / М.П. Чернышкова [и др.] // Суицидология. — 2017. — Т. 8, № 3 (28). — С. 62–69.
19. Уваров А.И. Криминологическое исследование латентной преступности в исправительных учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Уваров. — Краснодар, 2017. — 28 с.
20. Козлова Н. Бывший топ-менеджер «Роскосмоса» найден мертвым в камере СИЗО / Н. Козлова // Российская газета. — 2018. — 6 сент.

REFERENCES

1. Aebi M.F., Linde A. Regional Variation in Europe between Homicide and other Forms of External Death and Criminal Offences. In Liem M.C., Pridemores W.A. (eds.). *Handbook of European Homicide Research Patterns, Explanations and Country Studies*. New York, Springer, 2012, pp. 71–94.
2. Updesh Kumar (ed.). *Handbook of Suicidal Behavior*. Singapore, Springer, 2017. 572 p.
3. Joiner T. *Why people die by suicide*. Cambridge, Harvard University Press, 2005. 287 p.
4. Barnes D.H.; Golden R.N., Peterson F.L. (eds.). *The truth about suicide*. New York, Facts on File, 2010. 160 p.
5. Durkheim E. *Le suicide: Etude de sociologie*. Paris, Felix Alcan, 1897. 462 p. (Russ. ed.: Durkheim E.; Bazarov V.A. (ed.). *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etjud*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.)
6. Kozachenko I.Ya., Neznamova Z.A., Novoselov G.P. (eds.). *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. Moscow, Infra-M Publ., 1997. 768 p.
7. Plaksina T.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za ubiistvo* [Criminal Liability for Murder]. Barnaul, Altai State University Publ., 1998. Pt. 1. 64 p.
8. Zagorodnikov N.I., Ignatov A.N. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against a Person]. Moscow, 1962. 64 p.
9. Borzenkov G.N. *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya* [Qualification of Crimes against Life and Health]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2006. 144 p.

10. Korobeev A.I. *Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka* [Criminal Infringements on Human Life and Health]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 317 p.
11. Krylova N.E. «Groups of Death» and Teenage Suicide: Criminal Law Aspects. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 4, pp. 36–48. (In Russian).
12. Mursalieva G. Death groups (18+). *Novaya Gazeta*, 2016, May 16. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18>. (In Russian).
13. Amelina Ya.A. «Gruppy smerti» kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii [«Death groups» as a threat to Russia's national security]. Moscow, A.V. Vorobjev Publ., 2017. 72 p.
14. Sher L., Vilens A. *Internet and Suicide*. New York, Nova Science, 2009. 452 p.
15. Mishina V. «In fact this is a distant murder». Irina Yarovaya extends the Criminal Code's norms on liability for driving teenagers and pregnant women to suicide. *Kommersant*, 2017, March 9. Available at: <https://www.kommersant.ru/gallery/3237423>. (In Russian).
16. Fakhrutdinov P. Administrator of «death groups» is sentenced to three years. *Gazeta.ru*, 2017, July 19. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml. (In Russian).
17. Pinkus M. «Blue whale» does not blush. The curator of the «death group» has been sent to a prison colony. *Rossiiskaya Gazeta*, 2018, September 6. (In Russian).
18. Chernyshkova M.P., Tsvetkova N.A., Lobacheva L.P., Debolsky M.G., Dikopoltsev D.E. Suicides among the Suspects, Indicted and Convicts: an Analytical Review. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017, vol. 8, no. 3 (28), pp. 62–69. (In Russian).
19. Uvarov A.I. *Kriminologicheskoe issledovanie latentnoi prestupnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminological study of latent crime in correctional institutions. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2017. 28 p.
20. Kozlova N. Ex-top manager of Roscosmos found dead in the investigative isolation ward. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, September 6. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корецкий Данил Аркадьевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: koretski@mail.ru.

Стешич Елена Сергеевна — преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: esteshich@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корецкий Д.А. Самоубийства как элемент изучения гомцидальной преступности / Д.А. Корецкий, Е.С. Стешич // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 207–214. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koretsky, Danil A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: koretski@mail.ru.

Steshich, Elena S. — Lecturer, Chair of Criminalistics and Investigative Operations, Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: esteshich@mail.ru.

FOR CITATION

Koretsky D.A., Steshich E.S. Suicides as an element of studying homicidal crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 207–214. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214. (In Russian).